

Цзин Чжэнсюань с обеспокоенным видом медленно водил рукой по животу Хуай Сюя.

Он боялся, что у Хуай Сюя болит желудок.

Из-за болезни желудка детство Хуай Сюя было особенно тяжёлым. Ему многое нельзя было есть, и он мог только с завистью смотреть, как другие дети едят всё, что хотят, у него текли слюнки, но ему приходилось успокаивать себя тем, что эта еда невкусная.

Цзин Чжэнсюань видел это всего один раз, но его сердце разрывалось от жалости. Позже он приложил все усилия, чтобы улучшить состояние желудка Хуай Сюя, и теперь, хоть и не до конца, но ему хотя бы иногда можно было что-то попробовать.

Он приложил столько усилий, чтобы Хуай Сюй мог изредка есть то, что ему хочется, и он ни за что не допустит, чтобы он снова вернулся к прежней тяжёлой жизни.

Цзин Чжэнсюань, взяв Хуай Сюя за подбородок, с беспокойством спросил: «Ты не поел, потому что меня не было рядом?»

Хуай Сюй: «...»

Если подумать, то действительно, поскольку Цзин Чжэнсюань не позвал его, Хуай Сюй, увлечшись репетицией, пропустил время обеда.

Когда рядом был Цзин Чжэнсюань, Хуай Сюю никогда не приходилось беспокоиться о том, что и когда есть.

Увидев обеспокоенное выражение лица друга, Хуай Сюй почувствовал себя немного виноватым. Он уже такой взрослый, а всё ещё позволяет другу детства беспокоиться о таких вещах, как еда.

Хуай Сюй, моргая глазами, в которых блестели слезинки, мягким голосом сказал: «Я забыл...»

Цзин Чжэнсюань слегка сжал его щёки и тихо вздохнул: «Ты действительно не можешь без меня, пойдём».

Хоть он и сказал это, в душе Цзин Чжэнсюань был очень зол. Что за дурацкое празднование, он больше никогда не позволит Хуай Сюю есть одному.

«Куда?» — Хуай Сюй на мгновение потерял нить разговора.

Цзин Чжэнсюань, взяв его за руку, не говоря ни слова, повёл к выходу из общежития: «Пойдём

домой поедим».

Как только они открыли дверь, вернулись соседи Хуай Сюя и с удивлением спросили:

«О? Хуай Сюй, вы куда?»

«Твой друг детства...» — почему он выглядит ещё злее обычного?

«Уже больше девяти часов, через несколько часов закрывают общежитие, не забудь вернуться пораньше.»

В университете Цзинь довольно строгие правила проживания в общежитии. Чтобы сберечь студентов от неприятностей, общежитие закрывается в одиннадцать вечера. Иногда приходят преподаватели с проверкой, и тех, кто без уважительной причины остаётся на ночь вне общежития, записывают, а проступки злостных нарушителей дисциплины вносят в личное дело.

Хуай Сюй с детства был примерным учеником в глазах учителей. Он не только хорошо учился, но и был очень дисциплинированным, поэтому, конечно, не стал бы ночевать где-то без причины.

Он всё объяснил и напоследок с нарочитой лёгкостью сказал: «Не волнуйтесь, я скоро вернусь».

Едва он это произнёс, как Цзин Чжэнсюань потянул его к лестнице.

Хуай Сюй почувствовал, что с другом что-то не так, и поспешно начал успокаивать его: «Эм... не беспокойся, со мной всё будет в порядке».

Цзин Чжэнсюань, держа Хуай Сюя за руку, глубоко вздохнул: «Сейчас всё в порядке, а что будет ночью? А завтра? А потом?»

Хуай Сюй: «...»

Ах, его друг снова начал строить безумные предположения, раздувая из мухи слона.

Но его нельзя было винить, здоровье Хуай Сюя требовало особого внимания, нельзя было быть небрежным ни в чём.

Именно из-за него Цзин Чжэнсюань так беспокоится и волнуется, и Хуай Сюй чувствовал себя ещё более виноватым.

Он покачал рукой Цзин Чжэнсюаня и мягким, нежным голосом сказал: «Ведь есть ты, ничего из того, чего ты боишься, не случится».

Цзин Чжэнсюань сжал его руку, потрепал его по волосам и, промывав в знак согласия, слегка смягчился в лице.

Дома Цзин Чжэнсюань усадил Хуай Сюя на диван, поставил перед ним тарелку с закусками и сказал: «Перекуси немного, но много не ешь».

«...Хорошо», — Хуай Сюй, чувствуя свою вину, был особенно послушным.

«Умница», — Цзин Чжэнсюань пошёл на кухню и достал рис и морепродукты, чтобы сварить кашу.

Было уже слишком поздно, поэтому он решил приготовить что-нибудь легкоусвояемое.

Пока каша варилась на плите, он увидел на столе нетронутые блюда, приготовленные тётей, и снова нахмурился.

Хуай Сюй почувствовал исходящее от него напряжение, откусил кусочек закуска и украдкой взглянул на него. Он немного колебался и не решился что-либо сказать, только смотрел, как Цзин Чжэнсюань с холодным лицом выбрасывает всю еду в мусорное ведро.

Цзин Чжэнсюань никогда не позволял Хуай Сюю есть вчерашнюю еду и никогда не позволял ему мыть посуду.

Любая попытка Хуай Сюя сделать что-то из этого только сильнее злила Цзин Чжэнсюаня.

С подавленным другом лучше не спорить, Хуай Сюй знал это по опыту.

Через тридцать минут каша с морепродуктами была готова, Цзин Чжэнсюань налил полную тарелку и отнёс в гостиную.

Хуай Сюй протянул руку, чтобы взять тарелку, но Цзин Чжэнсюань уклонился.

Он сел напротив, зачерпнул ложку каши, подул на неё и поднёс ко рту Хуай Сюя.

Хуай Сюй: «...»

Ему уже 19 лет, не нужно же его кормить с ложечки...

Он моргнул и робко произнёс: «Я могу сам...»

«Только что говорил, что есть я, а теперь уже хочешь сам? А-Сюй, ты собираешься меня бросить?»

Цзин Чжэнсюань пристально смотрел на него, в его холодных карих глазах читалось не пойми что, но Хуай Сюй почему-то почувствовал беспомощность и обиду.

Хуай Сюй сдался и открыл рот.

Чем проще ингредиенты, тем лучше виден уровень кулинарного мастерства. Каша с морепродуктами, приготовленная Цзин Чжэнсюанем, была невероятно ароматной и вкусной, Хуай Сюй счастливо прищурился.

«А-Сюань, ты готовишь всё так же замечательно», — он никогда не скупился на похвалу.

Цзин Чжэнсюань с натянутым лицом тихо хмыкнул.

Хуай Сюй хихикнул, зная, что это признак того, что лёд тронулся.

Так они и сидели друг напротив друга на диване, Цзин Чжэнсюань ложка за ложкой кормил Хуай Сюя кашей с морепродуктами.

Хуай Сюй, принимая пищу, наблюдал за выражением лица друга. Сначала оно было напряжённым, как камень, потом стало бесстрастным, как у дерева, и наконец приняло обычное для Цзин Чжэнсюаня невозмутимое выражение.

Конечно, для посторонних выражение лица Цзин Чжэнсюаня, казалось, совсем не менялось, но Хуай Сюй вырос с ним с самого детства и уже много раз «читал» это красивое, словно выточенное лицо, поэтому, естественно, мог кое-что различить.

Когда тарелка каши опустела, Цзин Чжэнсюань наконец заговорил: «Впредь, как бы ни был занят, не забывай есть».

Хуай Сюй энергично закивал головой.

«И не ври мне».

«Никогда», — Хуай Сюй поднял три пальца.

«Умница», — Цзин Чжэнсюань поджал губы и слегка потрепал Хуай Сюя по макушке.

«Отпросись у вашего куратора, скажи, что у тебя дела и ты останешься на ночь не в общежитии».

Хуай Сюй закатил глаза: «Это... не очень хорошо».

Лицо Цзин Чжэнсюаня моментально вытянулось, но не от злости. Он опустил взгляд, и в его холодных карих глазах появилась лёгкая тревога: «Тебе нельзя выходить на ветер сразу после еды, и долгие прогулки тоже противопоказаны».

Хуай Сюй: «...»

Разве летний ветерок можно назвать ветром?

Разве это расстояние можно назвать долгой прогулкой?

Это объяснение слишком притянута за уши.

Хоть Хуай Сюй и думал так, он не мог противиться обеспокоенному выражению лица Цзин Чжэнсюаня, тем более что он волновался из-за него.

Хуай Сюй сдался и тут же достал телефон, чтобы написать куратору.

Куратор знал о состоянии здоровья Хуай Сюя и понимал, что он не из тех студентов, кто будет вести себя безответственно, поэтому сразу же согласился на его просьбу остаться на ночь вне общежития.

Цзин Чжэнсюань остался доволен и с невозмутимым видом пошёл мыть посуду.

Хуай Сюй написал сообщение соседям по комнате, сообщив им, что сегодня он будет у Цзин Чжэнсюаня.

Соседи по комнате тут же выразили свою заботу:

[Чэнь Пань]: У вас двоих... всё в порядке?

[У Кэ]: Когда вы уходили, у него было довольно мрачное лицо...

[Чжан Илан]: Он ведь не обидит тебя?

Хуай Сюй в шоке отправил:

[[Солнце.JPG]]: [[Как такое возможно?!.JPG]]

[[Солнце.JPG]]: Вы слишком много думаете, Цзин Чжэнсюань никогда никого не бьёт.

В группе долгое время стояла тишина, прежде чем кто-то снова заговорил.

[Чжан Илан]: Ты прав.

[Чэнь Пань]: Он действительно очень хорошо к тебе относится.

[У Кэ]: Завтра первая пара, мы займём тебе место, поспи подольше.

[[Солнце.JPG]]: [[Спасибо.JPG]]

Отложив телефон, Хуай Сюй встал и пошёл в главную спальню.

Когда он соглашался приехать к Цзин Чжэнсюаню на выходные, он, разумеется, думал, что будет жить в гостевой комнате. Но оказалось, что в трёхкомнатной квартире была только одна спальня, а две другие были переделаны в кабинет на двоих и игровую комнату. Как будто Цзин Чжэнсюань был уверен, что Хуай Сюй будет жить здесь с ним.

Хуай Сюй всегда был стеснительным, он редко возражал против того, что для него уже решили другие, тем более, если это был Цзин Чжэнсюань, который всегда о нём заботился. Он просто не мог ему отказать. В конце концов, они часто спали в одной постели, так что ничего особенного в этом не было.

Хуай Сюй вошёл в гардеробную главной спальни, которая была заполнена их с Цзин Чжэнсюанем одеждой, и его брови невольно сошлись к переносице.

Перед отъездом он явно разделил их вещи и повесил их по отдельности: слева — вещи Цзин Чжэнсюаня, справа — свои. Как же получилось, что теперь они висят вперемешку: одна его вещь, одна вещь Цзин Чжэнсюаня?

Он покачал головой, потёр пальцами* и наконец решил навести порядок.

*□□□□□□ - потер пальцами, именно ими. Он не трёт ладонями, а скорее совершает небольшие движения кончиками пальцев, возможно, по ткани одежды или просто друг о друга.

Едва он потянулся к вешалке, как Цзин Чжэнсюань внезапно оказался у него за спиной и крепко схватил его за руку.

Хуай Сюй обернулся и надул губы: «Здесь все вперемешку».

Цзин Чжэнсюань опустил голову: «Всё в порядке».

«Где здесь порядок? У меня, как у человека с обсессивно-компульсивным расстройством, от этого болит душа», — Хуай Сюй попытался вырваться.

Цзин Чжэнсюань обхватил его руки обеими руками: «Всё хорошо, я всегда так живу».

Хуай Сюй: «...»

Он снова косвенно просит его остаться.

Он сжал пальцы и промолчал в ответ.

Цзин Чжэнсюань обнял его и вывел из гардеробной: «Сыграем партию, а потом примем душ».

«О, хорошо», — Хуай Сюй забыл, что только что поел и ему нельзя сразу принимать душ.

После игры Цзин Чжэнсюань сам пошёл в гардеробную, взял пижаму Хуай Сюя и отправил его в душ.

Когда Хуай Сюй вышел из душа, Цзин Чжэнсюань, как обычно, начал сушить ему волосы.

Хуай Сюй, глядя в зеркало на своего друга, который был намного выше и крепче его, не мог понять, как такой сильный человек постоянно получает травмы.

Закончив сушить волосы, Цзин Чжэнсюань взял свою пижаму и направился в ванную.

Перед тем как закрыть дверь, Хуай Сюй вдруг что-то вспомнил и остановил его: «У тебя же рана, её нельзя мочить, как ты будешь мыться?»

Цзин Чжэнсюань спрятал блеск в глазах, обернулся, опустил голову и задумчиво произнёс: «Да, и что же делать?»

P.S.:Ах ты хитрый жук...

Всем спасибо за прочтение! Если вам понравился мой перевод, я буду очень рада вашей

"благодарности" в конце каждой главы~

(*~ 3~*)♡

<http://bllate.org/book/18163/1743130>